

Ксавье Мармье

Письма о России, Финляндии и Польше (1843), отрывки

Невская перспектива – самая длинная, самая приятная взору и самая живая улица Санкт-Петербурга. Беря начало у фасада Адмиралтейства, она уходит далеко за Аничков мост. Здесь такое средоточие роскоши и движения, что кажется, будто в сию северную столицу переместились Итальянский бульвар или Риджент-стрит. Именно тут, на Невском проспекте, в особенности проявляется разнообразный, многокультурный характер этого города, куда более европейского, нежели русского. Улица пестреет вывесками с надписями на всевозможных языках, все смешалось на ней: книжные магазины – французские, английские, немецкие, пять церквей, все разных конфессий, шикарные гостиницы, ослепительные магазины парижских товаров и мод; рядом с лавкой ювелира из Тулы мастерская берлинского портного; северский фарфор вперемежку с русским напротив кожаных изделий из Астрахани; русская кондитерская по соседству с богатым Английским магазином, который платит за аренду 50 000 рублей в год. Улица бежит прямо, как и подобает настоящему проспекту. По обеим сторонам ее тянутся, уходя вдаль, превосходные деревянные мостовые и широкие тротуары. В средней ее части располагается необъятных размеров здание Гостиного двора, настоящий город лавок и магазинов, наполненных всякого рода продовольствием с Севера и Востока, самыми разными промышленными товарами, как отечественными, так и чужеземными. Тут толпится великое множество народу: торговцы и зеваки, тертые мошенники и осмотрительные покупатели, иудеи и христиане, мещане и солдаты. [...] Вот перед вами щеголь, выбритый, надушенный, в обтягивающем кашемировом жилете, а рядом с ним длиннородый мужик в широком кафтане, гордый тем, что хранит верность традиционной одежде и простым нравам своих отцов. Вот магометанин с высоко поднятой головой проходит мимо церкви, а вот русский – останавливается перед нею и крестится троекратно; тут и армянин, тут и католик – проходят один мимо другого; вот проносится польская кибитка, а вслед за ней с трудом тащится тяжелогруженная повозка финского крестьянина. Вот фельдъегерь, в серой накидке на плечах, с белым плюмажем на шляпе, пускается вскачь и мчится Бог весть в какой отдаленный уезд.

[...]

А какими словами живописать полицию – со всеми ее прелестями и всем обаянием? Она – само изящество и сама учтивость. Полицейский кокетлив, как девушка, медоточив, как сочинитель мадригалов; блюстители порядка

носят мундир зеленого цвета – цвета надежды с воротником, голубым, как небесная лазурь. Я всегда хотел найти у них под золотым шитьем, под муаровыми лентами какой-нибудь спрятанный коготь, какое-нибудь острие алебарды, но тщетно искал я их со всех сторон: меня встречали лишь бархатистый взгляд и ласковая улыбка. К примеру, есть в канцелярии господина графа де *** один прелюбезнейший генерал, в обязанность коего входит прием иностранцев. Так вот этот милейший разговоры ведет с ними складно да ладно, словно по писаному, комплиментами дарит сахарными, что тот Вадиус*, однако и колкости отпускает, да разве углядишь оные в потоках лести. Послушаешь генерала, так нет ему приятности большей, чем лицезреть французов, что в Россию приезжают, и уж как бы хорошо было, если б они надолго тут оставались; наблюдения их прелюбопытны, а рассказы о путешествиях и вовсе приводят его в восторг. Но вот сия славная речь закончена, и генерал спешит отправить пару посыльных вслед за французами: он настолько счастлив их видеть, что хочет знать об этих чужеземцах все, а потому и слуга господ иностранцев, и дворецкий в гостинице должны наблюдать за их занятиями и давать отчет об их действиях, по крайней мере я это подозреваю; впрочем, такая постоянная слежка ведется тихо и незаметно. Работа полиции скрыта, как скрыта работа пружины в часовом механизме под эмалированным циферблатом; все знают, что эта пружина есть, что она регулярно поворачивается в своем барабане, но вы не различаете ее движения и порой даже подумываете, а не остановились ли часы, когда вдруг в одно прекрасное утро слышите их звон – роковой час настал, и господин, которого вы раз двадцать встречали прогуливающимся по Невскому или с наисерьезнейшим видом читающим газету в кафе Беранже, весьма вежливо просит иностранца сообразоваться уехать в течение двадцати четырех часов или предлагает соотечественнику сесть в кибитку, которая сейчас же отвезет его по ту сторону Урала, в Сибирь, которая, говорят, очень красива.

Вадиус – персонаж пьесы Мольера “Ученые женщины”.